

ЕГИПТОЛОГИЯ

Вторая половина XIX в. ознаменовалась превращением первых отраслей изучения Древнего Востока в России в профессиональную науку. Вначале ничто, казалось, не предвещало такого поворота: продолжался традиционный сбор древностей для отечественных музеев. В 1861 г. в Москве, у некоего Балашевича, для Эрмитажа приобретаются древности. В том же году дарит свой знаменитый камень Эрмитажу В. А. Перовский. Этот камень с текстом гл. 162 «Книги мертвых» происходит из гробницы Петаменопе в Фивах, самой большой в этом некрополе, и является уникальным. Точные копии камня Перовского были сняты методом гальванопластики и разосланы во все крупные музеи мира. Таким образом, камень как бы получил издание, хотя, по существу, он до сих пор не издан.

Складывается значительная коллекция древностей графа г. Строганова (Петербург, дворец у Полицейского моста). В 1880 г. в Аахене публикуется ее каталог, почему-то мало известный египтологам, — как русским, так и иностранным. Это, прежде всего ценная коллекция скарабеев, печатей и амулетов¹. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Особый интерес представляет стела (датирована 22-м годом правления царя Осоркона II), исчезнувшая совершенно бесследно.

В 1873 г. в Петербург приезжает норвежский ученый И. Либлейн. Его цель — издание словаря собственных имен древних египтян. Для этого он списывает имена и титулы на стелах, статуях, папирусах, хранящихся в музеях всего мира. В таком извлечении он дает египтологии сведения о целом ряде петербургских памятников: Эрмитажа, Кунсткамеры, Публичной библиотеки. Это первая профессиональная обработка русских собраний². Наряду с отчетом-публикацией Либлейн включает петербургские материалы и в свой словарь³.

В 70-х годах в России, наконец, появляется профессиональная египтология. Известна точная дата — 1874 г. — выхода в свет первого труда нашего первого египтолога⁴. Это — Владимир Семенович Голенищев (1856–1947), в то время 18-летний студент Петербургского университета⁵. Голенищев богат. Он живет в доме на Английской набережной. Он в состоянии покупать древности и создать в своем доме личный музей. В. В. Струве датирует основание этого музея 1870 г., говоря, что первые древности Голенищев приобрел в 14-летнем возрасте. Ссылки Струве не дает, но он — единственный из числа писавших в последние полвека о Голенищеве, кто должен был быть лично знаком с Владимиром Семеновичем⁶. Никакие богатства, однако, не могут обеспечить ему египтологическое образование в России того времени. Надо ехать учиться за границу, но он, обладая и средствами, и хорошим знанием европейских языков, почему-то не воспользовался такими возможностями. Альтернатива — изучать в Петербурге родственные египетскому арабский и древнееврейский языки — претворяется в жизнь под руководством профессоров

¹ Издает ее Эмиль Бругш — брат знаменитого египтолога (Sammlung ägyptischer Altertümer des Grafen Gregor Stroganoff. Aachen, 1880). Часть этой коллекции была собрана графом Строгановым в 1879–1880 гг. Беглое описание коллекции строгановского дворца на Мойке дает и Б. А. Тураев [Тураев. Описание I, с. 124–125].

² *Lieblein J.* Die ägyptischen Denkmäler in St. Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen. Christiania, 1873.

³ *Lieblein J.* Dictionnaire de noms hiéroglyphiques en ordre généalogique et alphabétique. Suppl. Lpz., 1892.

⁴ Точнее, трех статей, опубликованных в т. 12 лейпцигского журнала *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* (ÄZ), издававшегося Р. Лепсиусом и Г. Бругшем.

⁵ Наиболее полное исследование о нем написано В. В. Струве на французском и русском языках [Strouvé, 1960; Струве, 1960].

⁶ По словам Струве, он виделся с Голенищевым в 1913 г., когда тот приезжал в Петербург печатать свою книгу об эрмитажных папирусах. Однако, по письмам 1914 г., хранящимся в архиве В. С. Голенищева в Париже, до указанного времени они знакомы лично не были. Если все же знакомство и состоялось, то оно, вероятно, могло иметь место только в Германии, где Струве учился в последний месяц мирного времени.

В. Р. Розена и Д. А. Хвольсона⁷. Египетский и коптский приходится изучать самому. В 18 лет Голенищев выступает уже как профессионал. Он публикует в основанном Г. Бругшем журнале (см. примеч. 4) три статьи: о среднеегипетской версии гл. 108 «Книга мертвых» по саркофагу XII династии в Эрмитаже, о звуковом значении знака «Запад» и описание стелы эпохи XIII династии из его собственной коллекции⁸.

В следующие два года (1875–1876) Голенищев печатает мелкие наблюдения над памятниками. Изумительно, что человек столь молодой уже мог так много накопить, изучить, сопоставить. Но среди мелочей (а это все-таки мелочи) проглядывает уже и значительный успех — прочтение имен на каменных саркофагах из коллекции герцога Лейхтенбергского. Это важный источник по истории VI века до н. э., когда персы, завоевавшие Египет (525 г.), стали уничтожать память о членах египетского царского дома. С этой целью были повреждены надписи на саркофагах, так что требовались и специальные знания, и навык, чтобы восстановить разрушенное. В 1875 г. Голенищев ожидает открытие, совершенно сенсационное. Он — студент университета и только. Казалось бы, в России гехеймратов (тайных советников) и академиков не должны принимать всерьез студента, и всего менее в Эрмитаже — в то время еще придворном музее. В случае же с Голенищевым все обстояло совершенно иначе. Ему открыт доступ, как мы теперь сказали бы, в запасники, где он находит неразвернутый свиток папируса. Он обращается к хранителям коллекции с просьбой позволить ему развернуть свиток — операция страшно ответственная! — и сразу получает разрешение. О результатах студент-второкурсник докладывает III Международному конгрессу ориенталистов в Петербурге. К сожалению, конгресс был плохо организован. Протоколы его, если они и велись, напечатаны не были. Доклад Голенищева был издан годом позже и в том же журнале. О настрое же аудитории мы можем судить только по себе. Что, если б нам сообщили о находке жемчужин древнеегипетской литературы?! А ведь именно к этому сводилось открытие Голенищева [Труды III съезда ориенталистов, с. XXII].

В то время литературная сторона папируса (в буквальном смысле; на другой стороне — деловой документ) представлялась ему состоящей из двух сочинений (что и подтвердилось впоследствии): первое — собрание прецептов, максим (и это, по существу, верно); второе — повествование из эпохи царя III династии (тогда так считали) Снофру. Повествование включало в себя рассказ жреца, имя которого Голенищев читал тогда «Нефер-хор», и рассказ этот описывал то ли действительные события, то ли предсказываемые. Последнее оказалось правильным, и, таким образом, Голенищеву удалось обнаружить древнейшее пророчество в египетской литературе. Он хорошо схватил и суть этого рассказа — пророчество о явлении царя Амени, хотя и не сумел отождествить его. Впоследствии это было сделано Эд. Мейером⁹; в русской же египтологии в советский период решение Мейера не было принято и привело к совершенно бесплодной дискуссии.

Доклад Голенищева поставил его в ранг профессиональных египтологов, и притом высокого класса. Мало кто из его старших коллег мог записать в свой актив открытие такой значимости. Оно было ответом на острое требование дня — открыть и издать новые источники по истории Египта, которые позволят дать хотя бы общий очерк исторического процесса. Не получив от древности изложения египетской истории, египтологи вынуждены были взять реконструкцию на себя, и болезненно ощущали странные пробелы в документации, что препятствовало их работе.

Деловая сторона папируса (recto) в то время обратила на себя гораздо меньше внимания, хотя одно только обнаружение этого источника по истории XVIII династии могло

⁷ В составе профессоров столичного университета был, впрочем, и человек, занимавшийся иероглифами и египетским языком. Это — И. Н. Березин. (О занятиях иероглифами см.: *Леонтьев П.* Учено-литературное обозрение. — *Русский вестник, Соврем, летопись.* 1856, 1, с. 27.) Ни о каких научных контактах между Березиным и Голенищевым нет и речи.

⁸ Библиографию трудов Голенищева см. [Древний Египет, 1960].

⁹ *Meyer Ed. Geschichte des Altertums.* Bd. I, 2-te Hälfte. Stuttgart, 1913.

бы составить имя исследователю.

Перед Голенищевым встала задача издать папирус, но издание затянулось надолго. Причины были разные. В немалой степени помешали новые открытия, совершенно исключительного характера, но об этом позже. Тем временем Голенищев публикует мелкие работы, отдельные наблюдения, занимается религиозными египетскими текстами¹⁰.

В прошлом веке история религии Египта была одним из основных направлений в египтологии, причем едва ли не главное внимание уделялось «Книге Мертвых», которая многим казалась своего рода египетской Библией. Не оставляли в стороне и магическую литературу. Крупнейший памятник этой литературы — большую стелу, подаренную пашой Египта Мухаммедом Али князю Меттерниху и хранившуюся в Богемии, — Голенищев издает в 1877 г. (Трудно даже представить себе, что этому ученому с мировым именем был всего 21 год.) Издание этого памятника, важного как в историко-культурном, так и в историческом отношении, до сих пор необходимо рабочей библиотеке египтолога. Однако это не публикация в полном смысле слова, а лишь забота о воспроизведении, репродуцировании: нет ни перевода, ни комментария — эпиграфического, филологического, реального.

В 70-х годах Голенищев едва ли не ежегодно ездит в Европу. В 1875 г. он был в Эдинбурге, в 1876 г. — во Флоренции, в 1877 г. — в Богемии, в замке Меттернихов, в 1878 г. — в Сент-Этьене на Провинциальном конгрессе французских ориенталистов. Вопрос о поездках за границу этого ученого важен, так как он всюду интересуется древностями Египта и их покупает. К сожалению, пока нет данных о приобретениях, сделанных во время этих поездок. В 1879 г. он впервые выезжает в Египет. Результат этой поездки — открытие и копирование важной исторической надписи над входом в храм царицы Хашепсове (Хатшепсут) в Стаб-эль-Антар. Предоставив директору Службы древностей О. Мариетту сделать копию с надписи и издать ее, Голенищев только опубликовал извлечения, которые должны были показать ценность этого исторического источника. Не обманул его глаз и в чтении картуша правителя, от имени которого сделана надпись. Он понял, что это — великая царица XVIII династии.

По окончании университета Голенищев поступает в Эрмитаж. Впервые в стенах первого по значению музея России работает египтолог-профессионал.

В 1880 г. выходит обзор древнеегипетской архитектуры, до сих пор самый подробный на русском языке, хотя и не вполне квалифицированный, а теперь уже и сильно устаревший; автор обзора — А. В. Прахов, историк искусства [Прахов, 1880]¹¹. Его интерес к Египту, во всяком случае, не мимолетный. Он ездил Египет собирать древности, которые составили его первую коллекцию, впоследствии затонувшую близ Одессы¹².

В том же году появляется замечательная книга, равной которой, пожалуй, на русском языке нет и поныне, хотя она не имеет отношения к большой, международной науке, а является целиком внутренним, российским событием. Это — перевод «Истории фараонов» Г. Бругша, сделанный Г. К. Властовым. Оригинал — работа крупнейшего в то время египтолога — удивительно фундаментален, но труднодоступен для неподготовленного читателя. Поэтому Властов добавляет массу сведений из других работ Бругша и трудов разных египтологов. В результате получился редкий справочник, который мог быть если не полезен, то хотя бы удобен даже египтологу (см. [Властов, 1880]). Сейчас, конечно, эта работа совершенно устарела.

Тогда же выходит в свет и описание коллекции графа Г. Строганова (см. примеч. 1).

¹⁰ Например: *Голенищев В. С.* Об экземпляре «Книги мертвых» Г'ор-а сына Нес-па-г'ер-ан-а и Та-г'ап-ы. — Известия РАО. 1880, 9, вып. 5. Из Афин в Петербург были присланы списки папируса, и по поручению Археологического общества Голенищев определил содержание памятника.

¹¹ См. рец. В.В. Стасова на этот обзор [Стасов, 1882]. О деятельности Адриана Викторовича Прахова см. [Коростовцев, Ходжаш 2].

¹² Вторую его коллекцию, в то время находившуюся в Петербурге, описал Б. А. Тураев [Тураев. Описание VI, с. 208 сл.].

Очевидно, в это же время Голенищев разворачивает еще один папирус Эрмитажа. О таком сенсационном открытии он докладывает в 1881 г. в Берлине на V Международном конгрессе ориенталистов. Этот доклад издан отдельной брошюрой и напечатан в парижском журнале «Revue égyptologique» (1882, 2). Развернутый папирус оказался одним из древнейших в числе известных в то время и принадлежал к эпохе Среднего царства. Он содержит только одно сочинение, но это сочинение — литературный шедевр, история о приключении египетского мореплавателя на чудесном острове у сказочного Агафодаймона («доброе духа»). Голенищев назвал этот текст сказкой, и это название, неправильное по существу, за ним и закрепилось. С восторгом приветствовал это открытие В. В. Стасов, для которого так важен был каждый успех русской науки, ставящий Россию, в то время находившуюся на периферии культурного мира, на одну доску с другими странами. И этот восторг, может быть, как всегда у Стасова, слишком бурный, оправдан, поскольку дело шло об обогащении сокровищами общечеловеческой культуры. Со своей статьей он напечатал в 1882 г. и перевод Голенищева [Стасов. Египетская сказка], который долгое время был единственным источником знакомства с этим сочинением для русской публики.

И в этом случае публикация (научная) сильно задержалась. Лишь в 1912 г. Голенищев издал транскрипцию, перевод и исследование этого памятника, за чем последовали публикации 1913 г. (фоторепродукция папируса) и 1915 г. Но об этом после.

Начиная с 1879 г. он ездит в Египет. В 1939 г. в Египте отмечают его 60-й приезд¹³. Стало быть, поездки его ежегодны? Нет. Вероятно, в 1939 г. отметили 60-летие его первого приезда в Египет, но выразились неточно. На деле поездки не были ежегодными. В первое десятилетие он посетил Египет только шесть раз. К сожалению, точно неизвестны все даты его поездок. А без этого нельзя получить представление о формировании коллекции и выяснить историю отдельных памятников, чрезвычайно важную для египтологов.

Голенищев продолжает свою работу по копированию египетских надписей и публикует в 1882 г. важные уточнения к карнакскому списку чужеземных стран и народов, изданному ранее. В 1883 г. в районе Кау-эль-Кабир он копирует изображение (и надпись к нему) местного бога, отождествленного греками с мифическим героем Антеем. Это его исследование — определенный вклад в историю местных культов — интересно и теперь. Позднее оно было дополнено особой работой.

Египтологи, участвовавшие в работе VI Международного конгресса ориенталистов в Лейдене в 1883 г., очевидно, были разочарованы выступлением Голенищева. Привыкнув получать от него на каждом конгрессе по шедевр египетской литературы, они на этот раз должны были довольствоваться лишь его работой по теории письма. К тому же сама идея его выступления была предвосхищена Берчем¹⁴.

Впрочем, ранее (1882) в своих заметках об иератическом остраконе он публикует открытое им новое литературное произведение из истории царя XVI династии Рахотпа. Это только фрагмент, который лишь много лет спустя будет поставлен в контекст других фрагментов того же сочинения и таким образом появится «История с привидением», имеющая и другое название (по имени героя) — «История Хенсемхаба». Но это уже работа других ученых.

В 1887 г. Голенищев публикует результаты предпринятой и в 1884–1885 гг. эпиграфической работы в Вади-Хаммамат¹⁵, где в глубокой древности (начиная с IV династии) добывали особо ценный камень «бехен» (очевидно, граувакку) и где проходил путь к Красному морю и к древнему (эпоха XII династии) порту Гасуу (нынешний Вади-эль-

¹³ Журнал Службы древностей Египта вышел в 1939 г. с прекрасным портретом Голенищева и посвящением ему «по случаю его шестидесятого приезда в Египет».

¹⁴ На приоритете Берча настаивал сам Голенищев в примечании к изданному в 1885 г. тексту своего доклада (с. 85–87).

¹⁵ Голенищев В. С. Эпиграфические результаты поездки в Вади Хаммамат. — ЗВОРАО. 1887, т. II. Зарубежные ученые, для которых русский язык и кириллица весьма трудны, описывают эту важную работу при ссылках на нее так: Golénischeff. Hammamat.

Гасус). После Лепсиуса этот район не посещался эпитаграфистами, поэтому инициатива Голенищева была важной для науки. Он многое уточнил в копиях Лепсиуса и, что особенно ценно, открыл новые надписи, чрезвычайно важные для истории Египта. К сожалению, он не издал фотографии надписей — только автографию текста, но и эти копии до сих пор необходимы египтологу. Все результаты этого, несомненно выдающегося эпитаграфического труда, были учтены при издании корпуса надписей на основе фотографий текстов, сделанных Куйа и П. Монте¹⁶.

Зимой 1888/89 г. Голенищев убеждается в правильности газетных сообщений об открытии в Египте клинописного архива Аменхотпов III и IV и «файюмских портретов» эпохи римской оккупации и сам делает кое-какие приобретения. Из клинописного архива его собственностью становятся только две таблички, и они, разумеется, исторически очень ценны. А группа портретов приобретает им в следующем году. Она не велика, но интересна и содержит несколько замечательных образцов.

Обращает на себя внимание стремление Голенищева сделать собственные памятники доступными своим коллегам. В ряде больших публикаций присутствуют голенищевские памятники. При этом в случаях с мелкими памятниками он передавал коллегам для работы сами предметы. Там, где он был некомпетентен, иначе и быть не могло, но странно видеть первоклассные памятники, отданные другим. Египтологи не ждут таких подарков от египтологов.

Императорское РАО избрало его своим членом — честь, возможно, не столь уж большая, поскольку всех работавших в области археологии оно объединяло едва ли не автоматически. Тем не менее, Голенищев ответил на это избрание отчетом¹⁷ о своей деятельности в Египте в сезон 1888/89 г. [Голенищев, 1890]. С частью этой работы он ознакомил РАО на заседании 16/28 ноября 1889 г. Египтолог читает этот отчет, как волшебную сказку. Открытие мирового значения следует за открытием на всем протяжении статьи. Каким-то образом она оказалась вне внимания мировой египтологии, и это серьезный недостаток.

В указанную поездку, по совету инженера Жайона, он предпринимает раскопки в зоне трассы древнего «Суэцкого» канала и находит там огромную стелу Дария I, завершившего строительство канала или расчистившего старое русло [там же, с. 25–28]. Эту стелу он вскоре (1890) издал (к сожалению, без фоторепродуцирования; вообще, фотографирует он, в ту пору, по крайней мере, плохо и жалуется на то, что снимки у него не получаются), и это издание — ценный вклад в корпус памятников эпохи персидской оккупации.

Тот же сезон обогатил коллекцию Голенищева и ценнейшими в историческом отношении памятниками, купленными в Луксоре, и первыми памятниками Древнего царства, и коптскими рукописями, купленными в Ахмиме [там же, с. 17–18, 29, 15], а стало быть, происходящими из знаменитого Белого монастыря апы Шенуте, великого коптского писателя. В Луксоре же у знаменитого Абд ар-Расула (одного из двух братьев, проводивших нелегальные раскопки в Фивах в поисках ценных древностей и открывших в 1881 г. тайник с мумиями фараонов) он купил математический папирус — второй (помимо более позднего, но более полного в Британском музее) из дошедших до наших дней. Открытие огромное — теперь целый период в истории математики пишется на основании папируса Голенищева [там же, с. 18]¹⁸.

¹⁶ *Couyat J. et Montet P. Les Inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammamat. Le Caire, 1912 (Mémoires publiés par les membres de l'IFAO, 34).*

¹⁷ У Голенищева было странное пристрастие к «отчетам». Он был богат; служил только из-за памятников Эрмитажа, чтобы иметь к ним доступ постоянно; начальства, по чеховскому выражению, над собой не знал, никогда ни перед кем ни в чем не отчитывался, и тем не менее у него сплошные отчеты и rapports.

¹⁸ См. также письмо Голенищева к проф. Арчибальду: Archibald R.C. *Bibliography of Egyptian and Babylonian Mathematics*. (Прил. к: *Chace A. B. и др. The Rhind Mathematical Papyrus. Vol. 2. Oberlin, Ohio, Mathematical Association of America, 1929).*

Тогда же он предпринимает раскопки в Тахта: открыты памятники Амасиса и остатки храма эпохи римской оккупации (время императора Коммода) [там же, с. 22–23]. В Файюме, в столице — как у нас теперь принято говорить — этой области г. Крокодилополе, он раскапывает колонну из древнего храма времен XII династии (царствование Аменемхе III), тем самым, уточняя его местоположение [там же, с. 23–24]. Вообще, директор Службы древностей Гребо обещал ему Иллахун с пирамидой Сенвосре II, но англичане в Египте в то время были всесильными (период английской оккупации), и тогда еще только начинавший карьеру археолога У.-Ф. Питри производит раскопки самовольно. Гребо неловко перед Голенищевым, но... Иллахун уже раскопан.

Наконец, состоялась его поездка в древнюю Беренику на берегу Красного моря через пустыню [там же, с. 19–21]. Интересный подробный отчет об этом опубликован в «Recueil de travaux». Эти места были тогда так мало посещаемы, что итинерарием (путевыми заметками) Голенищева воспользовалась туристская коммерческая фирма Бедекер, в своих путеводителях перепечатавшая его дневник¹⁹.

Главное в сезон 1890/91 г. — приобретение трех папирусов происходящих из древней крепости Теу-джой, расположенной между Северным и Южным царствами, возникшими во времена Рамсеса XI. Один из них — энциклопедия, древнейшая в мире. Другой — отчет о поездке эмиссара из царства бога Амона (Амуна) в Финикию; его имя — Унамун. Это ценнейший источник по истории Финикии в XI в. до н. э., вызвавший большую литературу. Без пересказа его не может обойтись никакая история Египта, никакая история Древнего Востока. Вместе с тем, это и значительное литературное произведение, внешне удивительно безыскусное, прелестное, на самом же деле — политическое, имеющее ясную цель. Это сочинение — шедевр общечеловеческой литературы. Не слишком ли их много? — спросит читатель. Что делать? Таково положение вещей. И открытием этого множества шедевров мы обязаны одному человеку — Голенищеву!

И опять-таки издание находки не было осуществлено ученым, имевшим на него бесспорное право. Только Унамун был опубликован им самим [Голенищев. Отчет Унамуна], но без фотографий всего текста и спустя несколько лет, тогда как другие два папируса (энциклопедия, — в сущности, словник) и рассказ в форме письма о тяжелых событиях эпохи были изданы другими учеными.

С приобретением Голенищевым собственных папирусов общечеловеческого значения встает вопрос научной этики, очень своеобразный и в то же время весьма болезненный. В нашей науке принято называть папирусы особой важности (а иногда и не имеющие большой важности, как, например, «папирус Сенковского») именами коллекционеров: Анастаси, Атанаси, Харрис, Солт т. д. Но не «Голенищев»! Голенищев, естественно, и не стремился таким образом увековечить свое имя. Коллеги же его, хотя и постоянно упоминали его папирусы как голенищевские, не имели возможности разграничивать их номерами: Голенищев I, Голенищев II и т. д. Так, эпитет «голенищевский» и не пристал к этим папирусам, что, конечно, несправедливо. Из всех публикаторов голенищевских папирусов только Г. Масперо и Ад. Эрман сочли необходимым посвятить ему свои издания. Легко понять В. В. Струве, всегда тяжело переживавшего, что он не сделал этого при издании математического папируса Голенищева.

Следует сказать, что в это время он еще и печатал первый полный каталог египетского собрания Эрмитажа [Golénischeff, 1891], из Египта прося своего друга О. Э. Лемма, внести те или иные исправления в текст (письма Голенищева Лемму хранятся в архиве [АВ]). До сих пор египтологи всего мира знакомятся с эрмитажным собранием по этому каталогу. В истории русской науки эта чрезвычайно полезная книга стала настоящей вехой в египтологии. Иначе дело обстоит в плане международном. Простое описание — без фотографий, без копий текстов, индексов, переводов — это *minimum minimum* того, что должен дать египтолог. Конечно, труд Голенищева должен был бы

¹⁹ См., например: *Baedeker K. Egypte*. Lpz.- P., 1903, с. 347–348.

стать первым шагом, но, как это часто случается в науке, второго нет до сих пор в силу ряда причин преимущественно объективного характера.

В 1882 г. выходит из печати труд второго отечественного египтолога — Оскара Эдуардовича Лемма (1856–1918; von Lemm O. и E. Lemme соответственно в немецких и латинских работах). Вместе с тем это первый коптолог в России.

Лемм — сверстник Голенищева, но в отличие от последнего, получил профессиональную подготовку за границей. В Лейпциге он занимался у Г. Эберса, а в Берлине — у Р. Лепсиуса и Г. Бругша. Его однокашником был Ад. Эрман, с которым он постоянно вел дружескую переписку. Эрману суждено было открыть новое направление в египтологии и основать блестящую, так называемую берлинскую, школу египтологов. Научные заслуги Лемма, конечно, скромнее, но в целом это ученый, равный Эрману. Он основал египтологию и коптологию в России, первым начал преподавание этих дисциплин в университете. Все его работы и теперь составляют золотой фонд нашей науки.

В 1882 г. он защитил в Лейпциге диссертацию по храмовому ритуалу Амона и в том же году опубликовал ее текст [Lemm, 1882]. В течение 80-х годов он не оставляет египтологию, упорно занимаясь египетским ритуалом и религиозными текстами. За эти годы он издал учебную хрестоматию по египетскому языку [Lemm, 1883]²⁰. По существу, хрестоматией является и его подборка религиозных текстов [Lemme, 1890].

В 1883 г. [Тураев, 1922] он начинает преподавать египетский и коптский языки в Петербургском университете на правах приват-доцента²¹. С этих пор эти дисциплины введены в университете постоянно, меняются лишь факультеты. Лемм преподает на ФВЯ, его преемник Б. А. Тураев — на историко-филологическом (с 1952 г. эти дисциплины снова преподаются на восточном факультете).

Таким образом, в нашей стране появилась собственная египтологическая школа. К сожалению, неизвестно, кто занимался целое десятилетие у Лемма. Единственный, кто из его учеников начал работать в области египтологии и коптологии, это Тураев. Собственно, он и подготовил ряд учеников, которые уже при советской власти продолжили и изучение Египта, и преподавание египетского языка в университете. Вот почему считается, что Тураев — основатель русской египтологии. Но не надо забывать, что он — ученик Лемма.

С 1883 г. Лемм — в штате Азиатского музея. Профиль музея — средневековый Восток. Египтология нарушила бы рамки хронологических интересов музея, поэтому Лемм должен был перейти на занятия коптологией²². Этот вынужденный, собственно случайный, факт сделал его одним из лучших коптологов мира, Петербург — одним из центров коптологии. Помимо замечательного дара ученого его успех обеспечили, по крайней мере, два обстоятельства: благотворная работа в музее и необыкновенно благоприятные издательские условия в Академии наук. Ее «Записки» и «Известия» были всегда открыты для Лемма, который год за годом печатал в них все, что наработывал: и крупное, важное, и мелкое, что-то вроде заметок. Никакой специальный журнал не в состоянии был бы принимать так регулярно, так безотказно все эти работы, которые, начиная с 1899 г. шли, казалось, бесконечной вереницей.

Все это — целая библиотека и настоящая база коптологической науки. Ни один египтолог и коптолог мира не может обойтись не только без прочтения всех этих академических «Записок» и «Известий», но и без основательного штудирования оных. Это — школа, превосходящая ту, что он мог предложить в университете. Опять-таки, нельзя сказать, что им создано что-то фундаментальное, типа грамматик, словарей, историй, что он

²⁰ Хрестоматию должны были дополнить грамматика и словарь.

²¹ Самая полная библиография коптологических работ Лемма (а также Тураева) см.: *Nagel P. Bibliographie zur russischen und sowjetischen Koptologie*. Hall (Saale), 1978.

²² В старом Институте востоковедения еще жили воспоминания об императивных настояниях заниматься коптологией, которые Лемм получал от своего начальника К. Г. Залемана. «Никакой египтологии! — кричал он Лемму. — Только коптология!» (со слов Н. М. Алексеевой-Дьяконовой).

начал новое направление или разработал новую методику. Ничего этого нет, но грамматики, словари, истории, методики леммовских времен ушли в архив, а работы Лемма по коптским рукописям и языку имеют совершенно такое же значение сейчас, как в момент их издания почти 100 лет назад.

В Германии были переизданы основные его сборники: «Мелкие коптские заметки» и «Коптская смесь», благо он писал по-немецки.

Главная деятельность Лемма — издание коптских текстов. В период арабского завоевания египетские библиотеки уничтожались. Множество книг пропало, множество было разорвано на листки, да и листки еще пущены на фрагменты, многие опалены, поскольку завоеватели жгли книги. Те, что чудом дошли до наших дней, надо было собрать, привести в порядок, сохранить в музеях и библиотеках вплоть до того момента, когда ими смогут заняться специалисты. Все эти листки и фрагменты разошлись по всем музеям и книгохранилищам мира. Все эти *membra disjecta* (разрозненные обрывки) надо было сопоставить, объединить «в теории», так сказать, в кодексы, реконструируя таковые по листку, по обрывку, определяя, к какому сочинению таковой относится, сравнивая коптский текст при этом с иноязычными текстами (как правило, греческими), если таковые окажутся. Мало кто из современных Лемму коптологов чувствовал себя в такой степени в своей стихии, как он, в этом чрезвычайно сложном материале. Выявление репертуара коптской литературы, темных мест в рукописях, ошибок древних писцов, определение списков отдельных сочинений, точного значения отдельных слов и выражений, и, главное, по буквочкам, иногда по остаткам таковых, восстановление, казалось бы, уже не существующего текста... В этой магии воскрешения погибшего текста, конечно, не могло не быть чрезмерных увлечений, и подходить к ним теперь приходится с большой осторожностью. Тем не менее, невозможно не восхищаться работой великого мастера, который так, что называется вдоль и поперек, знал весь наличный материал коптских текстов.

Скажем еще об одном аспекте деятельности, доставлявшем, как видно, Лемму величайшее наслаждение, — поправлять других. Забившись в своем Санкт-Петербурге за полки библиотеки Азиатского музея в Таможенном переулке (сам Лемм жил сначала при Александровском лицее на Каменноостровском проспекте, а затем на Васильевском острове, недалеко от места службы), он метал оттуда молнии, поражавшие всех современных ему коптологов. Торжествовали, в свою очередь, и те, кому удавалось обнаружить ошибки у самого Лемма²³. Но это курьез; в целом же, конечно, его работы — образец для всех и для каждого.

И понятно, как достигалась эта образцовость. Он никогда не спешил, трудясь методично, спокойно в своих в высшей степени комфортных условиях. Понятия «давай-давай», «сроки», «срыв работы» и т. п. были ему неведомы. Закончив работу, он откладывал ее в сторону и приступал к другим занятиям. Затем возвращался к ней и, если находил зрелой, печатал, причем всегда сразу, всегда скоро, в том виде, в каком он рукопись завершил. Опечатки у него редки, опять-таки потому, что он имел возможность тщательно вычитать корректуру, хотя своей работой в целом, на наш взгляд, он не был доволен.

Свою деятельность Лемм начал с изучения и издания фрагментов переводов Библии на коптский — как Ветхого Завета, так и Нового. Сначала он базировался на собрании Публичной библиотеки (в основном на коллекции Тишендорфа), отдельными выпусками публикуя рукописи. Очевидно, до 1888–1889 гг. в собрании его друга Голенищева не было коптских рукописей, но, начиная с этого периода, комплектуется его коптская коллекция, причем она чуть ли не вся была передана Лемму для работы.

В 1883 г. Лемм вместе с Голенищевым участвует в работе VI конгресса востоковедов в Лейдене, где выступает с докладом о коптских рукописях в Петербурге

²³ См., например: *Crum W. E. La magie copte. — Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J. Fr. Champollion (Bibliothèque de l'École des Hautes Études, 234-e fasc.). P., 1922, c. 537, примеч. 1.*

(переводы книг Ветхого Завета). Через несколько лет выходит в свет «История александрийских патриархов» [Записки АН, Сер. VII. 1888, т. 36, № 11], а затем — «Апокрифические деяния Апостолов» [Известия АН. 1890, т. 33; 1892, т. 35].

В 80-х годах совместно с Голенищевым и Леммом в области коптской археологии работает В. Г. Бок (о нем см. [Коростовцев, Ходжаш 1]), но его деятельность выходит за рамки настоящего очерка, за исключением собирания им коптских письменных памятников для Эрмитажа. В 1888–1889 гг. он ездил в Египет вместе с Голенищевым, который опубликовал (на рус. и фр. яз.) после кончины Бока главную его работу [Бок, 1901]. Вторая поездка Бока в Египет состоялась в 1897–1898 гг.

В Эрмитаже 80-е годы ознаменовались поступлением коллекций Сабурова, Голицына (со знаменитыми фрагментами клепсидр) и Блудова²⁴.

90-е годы в жизни Голенищева — пора дальнейших приобретений его теперь уже замечательной коллекции и пора изданий некоторых его первостепенных находок.

В период между 1889 и 1892 гг. его коллекция обогащается шедевром (говоря о Голенищеве, это слово приходится употреблять слишком часто, но что делать?! на этот раз изобразительного искусства — статуэткой (бюст) Аменемхе III²⁵. Именно эту статую выбрал глава мировой египтологии сэр Элан Гардинер для фронтисписа своей книги о фараонах, изданной в 1964 г.²⁶. Это одно из замечательнейших достижений египетского ваяния; значение этой находки, однако, состоит в другом. Как и знаменитая эрмитажная статуя царя, она утверждала Голенищева во мнении [Голенищев, 1890, с. 25], что этого царя изображают и знаменитые сфинксы, найденные в Танисе. Сфинксы эти неоднократно узурпировались, и египтологи предполагали, что они изображают гиксосского царя Апопи, который действительно был первым узурпатором. Голенищев убедился в том, что это совершенно неверно и свои соображения и аргументы высказал в блестящей работе, опубликованной в 1895 г. Его выводы неоднократно оспаривались, но результат таков — положения 1895 г. не были поколеблены ни разу: сфинксы действительно изображают великого царя XII династии.

В 1897 г. в связи с юбилеем своего учителя по арабской филологии Розена Голенищев делает ему королевский подарок, — помещает в сборнике в его честь первую публикацию путешествия Унамуна в Библ, прилагая превосходную фотографию первой страницы папируса [Голенищев. Отчет Унамуна]. Поскольку опубликованные М. А. Коростовцевым фотографии этого папируса очень плохого качества [Коростовцев, 1960], editio princeps (первое издание) полностью сохраняет свое значение для каждого работающего над папирусом. Существенна и его интерпретация текста, независимо от того, согласились ли с ним последующие исследователи или нет. Затем Голенищев публикует этот же текст на французском, но без фотографий, зато воспроизведя иероглифическую транскрипцию текста [Golénischeff, 1899]. Тем самым начинается изучение исторического источника исключительной важности. Он вызывает большую литературу, множество переводов, интерпретаций.

Первое десятилетие века для Голенищева — время устройства его египетского музея. Это на самом деле не коллекция, а настоящий музей, принадлежащий, правда, одному лицу и обслуживаемый им. Он оставляет свой дом на Английской набережной и покупает новый (Моховая, 15), где во флигеле и располагает свой музей и свою библиотеку. Это —

²⁴ В инвентаре Голенищева клепсидры ошибочно приписаны Блудову [Golénischeff, 1891, с. VI–VII]. Ошибка исправлена самим Голенищевым карандашом в эрмитажном экземпляре своей книги (см. [Шолпо, 1939, с. 155, примеч. 4]). О египетских клепсидрах в Италии (были найдены, возможно, в Риме, в храме Исиды) см.: *Roullet A. The Egyptian and Egyptianizing Monuments of Imperial Rome. Leiden, 1972, № 327–328 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain, 20).*

²⁵ Голенищев сам не называет дату приобретения статуэтки. В сезон 1888/89 г. у него ее еще не было, иначе, говоря об атрибуции танисских сфинксов в своих «Археологических результатах...», он бы ее упомянул. В 1893 г. он ее издает, так что приобретение шедевра должно приходиться на сезон 1889/90, 1890/91 или 1891/92 г.

²⁶ *Gardiner A. H. Egypt of the Pharaohs. An Introduction. Clarendon Press, 1964.*

музей, но не зрелищное предприятие. Поэтому памятники располагались там не в расчете на эффект, а в основном по типам. Конечно, сейчас нет никого, кто бы видел этот музей и мог бы его описать. Более того, никого не было и в 1950 г., когда пишущий эти строки впервые приехал в Ленинград. Струве не был знаком с Голенищевым в его музейную пору вообще. Все остальные были слишком молоды и не имели шанса. Однако устройство музея можно себе представить по описи витрин, хранящейся в ЛГИА (по этой описи принимали коллекцию). Они ясно показывают, что музей был совершенно рабочим. Насколько возможно, все располагалось в нем так, чтобы исследователь мог ориентироваться в вещах, находить нужное, иметь возможность сравнивать, сопоставлять и т. д. Ученые в нем и работали: Тураев, Лемм и Хорнер из Лондона — над памятниками коптской письменности, Е. М. Придик — над греческими надписями, Г. Ф. Церетели — над греческими папирусами. Голенищева посещал и Э. Гардинер, но у нас нет сведений о какой-либо его работе в музее. Все египетское Голенищев, несмотря на свою общеизвестную щедрость, берег, очевидно, для себя, хотя за десятилетия своей собирательской деятельности не издал ни одного своего памятника, за исключением отчета Унамуна, бюста Аменемхе III, двух стел, гирьки и одного остракона.

Плиты из гробниц он хранил, спилив довольно тонкую сторону с рельефом, выбрасывая лишний камень. В этом, а также во всех реставрационных работах с камнем ему помогал эрмитажный реставратор Байкеев. Кто мог оказать ему помощь в работе над папирусами, сказать трудно. В Берлине он передал ряд папирусов Г. Ибшеру (знаменитому реставратору папирусов) для их разглаживания и заправки под стекло. В документах, связанных с продажей коллекции, они не упоминаются. Впоследствии они были переданы Гардинеру для издания, но тот поручил это сделать своему ученику (теперь профессору) Рикардо Каминосу²⁷, после чего папирусы были возвращены в ГМИИ. Степенью разработки они сильно отличались от доморощенно приготовленных остальных папирусов. В 60-х годах встал вопрос о приглашении из ГДР для работы над ними Ральфа Ибшера, сына знаменитого реставратора. Помешала неожиданная кончина этого, казалось бы, еще полного сил и энергии человека.

Обогащение коллекции продолжалось, по крайней мере, в течение первой половины первой декады нашего столетия. У Голенищева немало знакомых среди торговцев древностями. Особенно хорошие отношения завязываются у него с одним из них — Али (из Гизы), или, как его принято было называть, «шейхом Али». По-видимому, в 1901 г. Голенищев покупает у него уникальнейший греческий папирус, и, хотя в настоящем очерке не рассматриваются памятники неегипетских культур, о нем следует сказать несколько слов ввиду его уникальности. Это редчайший образец древней (V в.), богато иллюстрированной папирусной книги. Текст там явно занимает второе место, поэтому Голенищев с присущей ему царской щедростью передает папирус для издания австрийскому историку искусства христианского Востока Й. Стржиговскому. Последний, конечно, не мог справиться с текстом и пригласил в соавторы А. Бауэра. Результатом их совместной работы стало издание этого важнейшего памятника культуры, источника по истории раннего средневековья — «Мировой хроники». К египтянам, однако, этот памятник имеет лишь косвенное отношение²⁸.

В начале столетия, как видно, он приобретает остракон с текстом значительной части знаменитого гимна Нилу. Это сочинение, занимающее видное место в истории египетской литературы, было давно известно по двум спискам, однако спискам, изобилующим трудностями. Голенищевский остракон дает более аккуратный текст и чрезвычайно ценен для понимания большей части (около четверти) этого произведения. Конечно, остракон был передан для публикации Г. Масперо, который посвятил свое издание

²⁷ Caminos R. A. *Literary Fragments in the Hieratic Script*. Oxf., 1956 (The Griffith Institute, Ashmolean Museum).

²⁸ Bauer A., Strzygowski J. *Eine alexandrinische Weltchronik. Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung Goleniščev*. Wien, 1905 (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Phil.-Hist. Klasse, 51).

Голенищеву²⁹.

Трудно определить время приобретения замечательного, содержащего ритуал царских венцов папируса, который Эрман предложил называть «Ритуалом Голенищева». Этот памятник был передан им в начале века Эрману для издания (отметим, что отдан был сам уникальный папирус, а не фотография с него). Эрман закончил работу над текстом в 1908 г. Давая ему папирус, Голенищев указал, что он у него хранится уже давно и что он приобрел его из одного частного собрания в России. В. В. Струве, несомненно со слов самого Голенищева, рассказывал, что он купил его как-то на Невском, на благотворительном аукционе. Значение папируса чрезвычайно велико: он один знакомит с целым комплексом представлений, связанных с коронами египетских царей, их чудесной силой. Голенищев сам работал над папирусом, но по просьбе Эрмана сразу же отдал ему этот памятник, который тот и издал опять-таки с посвящением Голенищеву³⁰.

Главная находка этого времени, видимо, все же папирусы, изданные в 1956 г. Каминосом. Голенищев, вероятно, не имел еще возможности их изучить даже предварительно. Возможно, они были переданы Ибшеру в таком состоянии, что ничего нельзя было прочесть. Как бы там ни было, они несомненно находятся на одном уровне с его прежними сенсационными находками. Хотя папирусы написаны при XVIII династии, тексты их (один — возможно, а другой — совершенно точно) восходят ко времени более древнему. Первый из них описывает радости охоты и рыбной ловли, второй — времяпрепровождение царского двора в летнее время в парковой зоне Файюма.

Возможно, в это же время Голенищев покупает и фрагменты того сочинения, о котором он докладывал на III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г. Эта находка существенно облегчила ему работу над эрмитажным папирусом и представляет собой огромную ценность как один из трех списков важнейшего исторического источника, которые дошли до нас (кроме эрмитажного, неполные).

В 1904 г. он публикует отрывок из своей энциклопедии в связи с проблемой топонима в Дельте, неверно объясненного Бругшем. Поскольку этот топоним связан с вторжением ливийцев при Рамсесе III, существенно было бы выяснить, что он собой представляет. Энциклопедия, или — лучше — «словник», ономастикон, показал, в каком районе его следует искать. Теперь ясно, что это Ксоис, но Голенищев этого важного отождествления не сделал.

Все эти годы он работает над подготовкой к изданию эрмитажных папирусов. В 1906 г. он публикует, наконец, «Историю потерпевшего кораблекрушение», точнее, издает только транскрипцию, перевод и исследование. Но фотографии папируса были представлены в свое время для работы над словарем Эрману, который сразу же выпускает свою транскрипцию, перевод и интерпретацию³¹. Затем следуют замечания Зете, Дево, Гардинера к отдельным местам.

В 1908 г. Голенищев видит себя разоренным и вынужден продать свой музей, устройство которого только к тому времени было закончено [Ростовцев, 1908]. Через Думу коллекция была приобретена для Музея изящных искусств в Москве [Голенищев и его коллекции, 1987]. В 1909 г. все памятники были перевезены временно в Эрмитаж. Голенищев продал свой дом на Моховой и уехал в Ниццу. В Россию он приезжал, по крайней мере, еще дважды: в 1912 г. — в Москву на открытие музея³² и в 1913 г. — в Петербург для печатания своих папирусов. После этого он Россию больше не видел.

²⁹ *Maspero G.* Hymne au Nil. Le Cairo, 1912 (Publications de l'IFAO Bibliothèque d'étude, 5). Остракон описывается на с. XII–XIV, при этом Масперо ссылается на письмо Голенищева от 7 июня 1911 г. Стало быть, остракон относится к поздним приобретениям.

³⁰ *Erman Ad.* Hymnen an das Diadem der Pharaonen. — *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften.* 1911.

³¹ *Erman Ad.* Die Geschichte des Schiffbrüchigen. — *ÄZ.* 1906, 43.

³² Из письма к Лемму [АВ, ф. 35] можно заключить, что эта поездка была для него неприятна (прощание со своей коллекцией).

В 1913 г. он издал, наконец, открытые еще в 1875 и 1881 гг. папирусы, отдал, можно сказать, старый долг — и все. В 1915 г. он опубликовал новую транскрипцию, перевод и исследование «Истории потерпевшего кораблекрушение» с учетом всех замечаний, критики и с критикой на критику.

Итак, блестящий, так обогативший египтологию период его жизни закончился в 1913 г. Деятельность его за пределами России — уже вне задач настоящего очерка.

1890-е годы в истории русской египтологии ознаменовались началом деятельности Бориса Александровича Тураева (1868–1920)³³. В 1887–1891 гг. он занимался у Лемма в Петербургском университете. После его окончания он уехал для занятий в Берлин, где слушал профессоров Бругша, Эрмана, Штейндорфа. Тураев очень хорошо описывает обстановку в Берлинском университете: как трудно было с пособиями и книгами (странно это читать), как мало считались там с Бругшем, великим ученым с огромными заслугами перед египтологией, и т. д. [Тураев, 1894] (см. также его письма к Лемму [АВ, ф. 35]).

По возвращении из Берлина и Парижа, где Тураев занимался у Г. Масперо в 1896 г., он начинает сам преподавать в университете, но на историко-филологическом факультете. Здесь он, прежде всего, ведет курс истории Древнего Востока, предусмотренный как обязательная дисциплина министерской программой. Этот курс читался и до Тураева, но так, что сколько-нибудь вдумчивые слушатели не могли не понять, что им подается самая поверхностная компиляция. Это было просто скучно. Надо сказать, что Тураев был плохим лектором. Захватить аудиторию, заинтересовать слушателей вопреки их воле он не мог и не хотел. Но люди с серьезным отношением к истории сразу же почувствовали огромную разницу в преподавании этого курса с появлением нового лектора³⁴. Конечно, Тураев не мог быть специалистом во всех областях истории Древнего Востока, даже в современном ему понимании этого термина (без Индии и Китая, которые теперь включаются в это понятие). По существу, он был египтологом и коптологом с ассириологическим образованием. Seriously заниматься ассириологическим материалом он, конечно, не мог, но в состоянии был ознакомиться со всеми возможными источниками в подлиннике, следить за их интерпретацией в специальных работах и т. д.

На курсе встал вопрос о создании истории Древнего Востока на русском языке. Сначала отпечатали лекции. Это взял на себя студенческий комитет при факультете. Затем последовал ряд публикаций курса, и, наконец, вышло иллюстрированное издание в двух частях. Но это, конечно, много позже [Тураев 1–4].

Пока Тураев помимо подготовки курса работает только как египтолог и коптолог. Добавим — и как эфиопист, но эта сторона его деятельности всецело выходит за рамки нашего изложения.

В 1893 г. выходит в свет первая работа Тураева. Вскоре следуют и другие, определяя основные направления работы автора. Это — интерпретация отдельных исторических источников, связи Египта с другими странами и народами, египетская религия. Он выступает также как коптолог, принимая участие в подготовке к изданию Берлинских коптских документов, а затем — коптских остраконов в коллекции В. С. Голенищева.

В конце 90-х годов он приступает к описанию мелких петербургских и провинциальных собраний России. Открывает серию описание коллекций Петербурга (помимо Эрмитажа и Голенищева). Затем следуют описания собраний Ревеля, Дерпта, Казани, Одессы, Москвы и других городов. Эти описания, конечно, неудовлетворительны в том отношении, что не представляют собой издания памятников (фотографическое воспроизведение, перевод, комментарий); краткие описания сопровождаются только единичными фотографиями и рисунками отдельных, наиболее интересных памятников. Тем не менее, они ценны как важная документация к египетским памятникам в пределах

³³ Литература о Б. А. Тураеве велика; лучшие по объективности обзоры его деятельности см. [Ольденбург и др., 1918; Беляев, 1946]; самый полный список его работ см. [Милибанд, 1995].

³⁴ См.: *Жебелев С. А.* Из университетских воспоминаний. — *Анналы.* 1923, № 2, с.179.

тогдашней Российской империи. Конечно, ничего подобного голенищевским папирусам там нет³⁵, и все же исторически ценная информация и здесь налицо, и пренебрегать ею ни в коем случае не следует.

В конце века входит мода на университетские музеи древностей в качестве иллюстраторов соответствующих университетских курсов. В Москве из такого музея и возник знаменитый Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). В Петербурге такой музей невелик: муляжи и единичные подлинные памятники. Самый интересный из них — царский бюст эпохи Среднего царства.

В 90-х годах в Дейр-эль-Бахри, на западе Фив, находят огромный тайник мумий фиванской аристократии второй половины XXI династии (XI в. до н. э.). Часть этих более чем 150 саркофагов с богатым сопутствующим инвентарем хедив решил подарить дружественным Египту державам. Памятники представили в виде билетов (примерно по 4 саркофага приходилось на каждый билет), которые разыграли в лотерею. Представитель России вынул билет № 6, по которому нашей стране полагалось получить 4 саркофага (один из них, несомненно, двойной) и более сотни мелких статуэток — ушебти. Александр III приказал раздать их университетским музеям. Когда памятники прибыли в Одесский порт, их, согласно этому приказу, разослали в разные университетские города, не позаботившись составить список предметов, не говоря уж о том, чтобы опубликовать список с указанием, что и куда было направлено. К счастью, в Архиве Одесского государственного археологического музея сохранилась накладная Египетской службы древностей, позволяющая составить впечатление о величине дара хедива (документ подготовлен к печати с переводом — подлинник на франц. яз. — и комментариями). Кроме того, в журнале Службы древностей опубликован полный список саркофагов³⁶, в том числе и приходившихся на билет № 6. Местонахождение большинства памятников, особенно мелких статуэток, до сих пор не установлено. Два саркофага были переданы в Киев, один — в Казань (Музей древностей при университете), крышка одного из саркофагов оказалась в Юрьеве. По данным Египетской службы древностей, один из саркофагов предназначался для Иркутска.

В 1898 г. Тураев издает первую свою книгу по Древнему Египту [Тураев, 1898]. Это первая монография по египтологии на русском языке. В то же время это первая магистерская диссертация по данной дисциплине. Голенищев не имел никаких степеней и званий, хотя внес чрезвычайно важный вклад в науку. В тех редких случаях, где было нужно, он именовался просто «статским советником». Лемм, как окончивший немецкий университет, естественно, был «доктором», но этот свой титул он опять-таки никогда не выставлял, предпочитая указывать должность в Азиатском музее. В 1911 г. его избрали членом-корреспондентом Академии, но это тоже значило для него, как видно, немного. Один Тураев прошел по всем степеням и званиям, пробыв последовательно магистром, доктором, членом-корреспондентом и действительным членом Академии (последнее уже в советский период).

Диссертация посвящена исследованию божества письма и знаний Тота (ближе была бы передача Тховт). За границей аналогичный труд появился только в 20-х годах³⁷, и крупнейший английский египтолог Гриффит бросил упрек автору этого исследования за то, что он не учел книгу Тураева. Сработал печальный принцип: *Rossica non leguntur* — «русское не читается» — с модальным оттенком: и не должно читаться, т. е. это нечто, чем можно пренебречь без какого бы то ни было ущерба, — принцип, действующий по сие время. Как собрание большого материала, работа Тураева сохраняет свое значение и сегодня.

Первая декада XX в. явилась плодотворной для О. Э. Лемма как египтолога. Многомесячная командировка в библиотеки Парижа, Лондона и других европейских столиц

³⁵ Единственное исключение — знаменитый «папирус Прахова», фотографии которого были опубликованы уже после кончины самого собственника папируса. См. [Тураев, 1927].

³⁶ *Daressy G. Les cercueils des prêtres d'Ammon. — Annales du Service des antiquités de l'Égypte. 1908.*

³⁷ *Boylan P. Thoth, the Hermes of Egypt. Oxf., 1922.*

в 1896 г. дала ему возможность включить богатейшие коллекции в свои исследования. Эта единственная (после 1883 г.), как теперь говорят, заграникомандировка дала ему базу для двух десятилетий работы.

В 1903 г. выходят сразу две его книги: издание всех известных фрагментов коптской версии «Романа об Александре Великом» [Lemm 1] и публикация поэмы «Триадон» (из двух томов вышел только первый) [Lemm 2]³⁸. Если «Триадон» был издан по одной рукописи (П. Нагель, имевший свой перевод и исследование, признает труд Лемма образцовым³⁹), то «Роман» — по кусочкам, разбросанным по всем музеям мира. Занявшись им, Лемм, очевидно, стал искать другие куски и к 1903 г. обзавелся уже достаточным числом фрагментов, чтобы оправдать свое издание. О значении его едва ли приходится говорить ввиду общечеловеческой важности этого произведения. Поэма же — веха в истории коптской литературы.

Далее Лемм издает коптские материалы, касающиеся введения христианства в Грузию и связей коптов с Грузией. Вся работа представляет собой, конечно, очень большой интерес для истории Грузии и Кавказа [Lemm, 1906]. К 1908 г. Лемм prepares рабочую опись всех литературных коптских рукописей Голенищева (см. [Протоколы РАО, с. 340–342]). Из них он кое-что уже опубликовал, над многими работает. Через несколько лет он издает свою последнюю монографию — «Деяния коптских мучеников» [Lemm, 1913]. Однако в 1899 г. он открывает в «Известиях АН» (т. 10) серию «Мелкие коптские заметки»⁴⁰, а позднее (с 1907 г.) там же — «Коптскую смесь», где публикует отдельные коптские тексты (мартиролог Феодора Восточного, апостольские каноны, фрагмент из истории Иларины, дочери императора Зенона, и др.). Лемм установил первый фрагмент коптского перевода сочинения Эпифания Кипрского о драгоценных камнях, разъяснил множество темных мест в «Романе о Камбизе», «Изречениях египетских отцов», много исторических фактов, отдельных выражений, имен, терминов. Обе серии — это своего рода журнал одного лица. В нем — свои номера, свои выпуски, позволяющие легко ориентироваться в обеих сериях⁴¹. Последней его печатной работой был очередной выпуск «Коптской смеси», вышедший отдельным изданием (*Koptische Miscellen CXLIX, CL. Pp.*, 1916).

В первую декаду текущего века продолжает свою работу историк восточной церкви В. В. Болотов. Деятельность его выходит за пределы настоящего очерка. Укажем лишь две его работы по географии Египта, помещенные в «Византийском временнике» (1910, 15).

Тураев в первые годы столетия уделяет исключительное внимание эфиопистике и именно по этой дисциплине защищает свою докторскую диссертацию. По египтологии он публикует лишь «Египетские заметки» и «Египтологические заметки». Особенно важны его издания надписей саисской эпохи, до сих пор сохраняющие свое значение, а также его издания коптских письменных памятников. Голенищевские коллекционерские связи переходят теперь к нему, и с 1909 г. (поездка в Египет) он начинает сбор собственной коллекции. Его коллекцию, конечно, нельзя даже сравнить с голенищевской, но и она интересна. К счастью, в отличие от Голенищева он почти сразу же издавал приобретенное.

Тураев, как и другие русские египтологи, в современных ему конгрессах востоковедов участия почти не принимал. Известно лишь, что он был на Парижском конгрессе, скорее всего из-за возможности работать в Национальной библиотеке над эфиопскими рукописями. О работе этого и последующего конгресса он опубликовал

³⁸ См. рец. на первую и вторую работы Лемма: 1) *Guidi I.* — *Or. Christ.* 1904, 4, с. 212; *Andersson E.* — *Sphinx.* 1906, 9, с. 133–136; 2) то же, кроме пагинации — соответственно: с. 211; с. 131–133.

³⁹ *Nagel P.* *Das Triadon. Ein sachidisches Lehrgedicht des 14. Jahrhunderts.* — *Martin-Luther-Universität. Wissenschaftliche Beiträge.* 1983, 23, 7. Halle (Saale), 1983.

⁴⁰ Перепечатка (с предисл. П. Нагеля): *Lemm O. von. Kleine koptische Studien I bis LVIII. Lpz., 1972 (Subsidia byzantina, 10).*

⁴¹ В 1916 г. Лемм издал частным образом все статьи в одном томе, присоединив к 148 статьям еще две, нигде не публиковавшиеся. Первые 148 статей теперь переизданы под ред. П. Нагеля в сотрудничестве с П. Кюммелем: *Lemm O. von. Koptische Miscellen I–CXLVIII. Lpz., 1972 (Subsidia byzantina, 11).*

беглые отчеты (во втором случае основываясь на материалах конгресса).

В эти годы в Петербурге формируется еще одна крупная коллекция египетских древностей — Н. П. Лихачева. Египет входит в его большой музей письменных памятников всех стран, который он размещает в специально для него построенном здании на тогдашней Петербургской стороне (Петрозаводская ул.). Из египтологов в этом музее как будто работает один Тураев (см. [Тураев. Описание I, с. 143]⁴²).

В 1913 г. выходит в свет последнее прижизненное издание «Истории Древнего Востока» Тураева, хорошо иллюстрированно заставками. Это, конечно, лучшее, что когда-либо имела русская общественность по данной дисциплине или кругу дисциплин, и награждение книги золотой медалью РАО совершенно заслуженно (см. [Ольденбург и др., 1918, с. 1706]). В настоящее время эта книга уже устарела, но место ее в истории отечественной науки самое почетное, и, хотя неумеренные дифирамбы, которые иногда можно встретить в печати, ей вредят, несомненно все же, что это — работа большого ученого. В отношении объективности и строгого академизма это издание до сих пор служит образцом. Есть прелесть и в том, что все события огромного региона за тысячи лет рассказываются одним лицом. Сейчас такое уже невозможно.

Занятия эфиопистикой наряду с постоянными занятиями коптской письменностью сделали из него ведущего ученого в области христианского Востока. Несколько лет подряд он печатает в «Византийском временнике» библиографические обзоры по коптской литературе и истории. Назревает необходимость создания собственного, не общевизантиноведческого журнала. Так появляется прекрасное издание «Христианский Восток», где благодаря Тураеву и его ученикам, постоянно представлена коптология. С 1912 по 1922 г. вышло всего шесть томов этого журнала.

На рубеже XIX–XX вв. опубликован ряд интересных работ по дисциплинам, периферийным для египтологии: математике [Бобынин, 1882] и военному искусству [Пасыпкин, 1901].

В связи с приобретением голенищевской коллекции Музеем изящных искусств его директор И. В. Цветаев приглашает Тураева на должность главного хранителя коллекции⁴³. Тураев принимает это предложение. Он организует великолепную первую выставку египетской коллекции и пишет соответствующую часть путеводителя по выставке; до сих пор это наилучший по содержательности музейный путеводитель [Музей им. Александра III, 1912]⁴⁴. Но не это главное. Вместе с В. К. Мальмбергом он начинает издавать журнал «Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве», а так как в музее почти нет подлинников помимо египетской коллекции, то этот журнал — совершенно египтологический⁴⁵. Издается он замечательно: неплохие (не более того) фоторепродукции в тексте и дивные цветные репродукции на отдельных таблицах. Открывается журнал, разумеется, статьей Голенищева «Египетская могильная плита...».

⁴² Основные приобретения Лихачев сделал после 1899 г. Прекрасная коллекция египетских древностей и коптских деловых папирусов описана впоследствии Ю. Я. Перепелкиным в работе «Институт книги, документа и письма. Выставка письменности...» (М.-Л., 1935). В архиве [ПФ АРАН, ф. Ин-т книги, документа и письма — Ленингр. отделение Ин-та истории] хранится список вещей Лихачева с указанием, где они были приобретены. Список составлен Ю. Я. Перепелкиным и В. И. Беляевым со слов Лихачева.

⁴³ Демская А. А., Смирнова Л. М. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина: История создания музея в переписке профессора И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном в других документах (1896–1913). М., 1977.

⁴⁴ Путеводитель выдержал 11 изданий (перепечаток) до 1917 г. В 1917-м появилось последнее, 12-е изд., несколько отличное от прежних (выброшено не в меру верноподданническое предисловие, которое, очевидно, вынужден был написать проф. Цветаев), под названием: Музей изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете. Ч. I. Древний мир. М., 1917. Тураеву принадлежат первые разделы путеводителя.

⁴⁵ С 1912 по 1913 г. было четыре выпуска, плюс отдельный том таблиц (всего 24). В 1922 г. журнал решили продолжить под названием «Памятники Музея изящных искусств». Вышел пятый выпуск, и на этом издание остановилось.

Лемм публикует там лист роскошно оформленного кодекса (Послания апостолов) из Ахмима, видимо, из библиотеки знаменитого Белого монастыря. Ряд работ напечатали Тураев, Мальмберг, историк коптского искусства Гринеизен.

Мальмберг не только освещает общие вопросы египетского искусства [Мальмберг, 1916], но и публикует отдельные памятники коллекции.

В 1917 г., уже после Февральской революции (когда у музея исчезло «имя императора Александра III»), Тураев и Мальмберг издают каталог скульптуры, до сих пор имеющий большое значение, хотя и не свободный от недостатков (один из них, и притом очень серьезный, — малое число репродукций вообще и почти полное отсутствие таких, что представляли бы надпись на статуе) [Музей при Моск. ун-те, 1917].

Во вторую декаду века уже начинают работать ученики и ученицы Тураева: Н. Д. Флиттнер, А. Л. Коцейовский, И. М. Волков, В. В. Струве, Т. Н. Бороздина. Флиттнер и Волков после окончания курса у Тураева имели возможность заниматься в летний семестр в Берлине под руководством Эрмана. Этот же курс у Эрмана и Г. Мёллера слушал и Коцейовский, описавший свои университетские впечатления в прекрасном письме к Тураеву [АВ, ф. 957]. У В. В. Струве аналогичный семестр пришелся на 1914 г. Он прервал занятия в конце июля для кратковременной, как он полагал, поездки в Петербург. Война прекратила практику египтологических летних семестров в Берлине навсегда.

Струве занимался у Эрмана, Мёллера, Эд. Мейера, познакомился с величайшим египтологом Куртом Зете. Его первая работа по египтологии — издание папируса из Фив, заданная ему Тураевым [Струве. Коптский папирус]. Этот папирус вошел в справочник по фиванским папирусам и учтен Крамом в его работе над словарем коптского языка, но не будем выходить за рамки настоящего очерка. Затем он издает свой труд «Петербургские сфинксы» [Струве, 1912], начинает работу в Эрмитаже, а с 1916 г. преподает в Петроградском университете.

Коцейовский опубликовал свой перевод и исследование о «Плаче Иисиды и Нефтиды» по берлинскому папирусу [Коцейовский, 1913], а затем перевод «Текстов пирамид» (вышел только один том) [Коцейовский, 1917]. В «Христианском Востоке» (1915, 4) он вел раздел коптской литературы, имея намерение публиковать регулярные обзоры — как бы продолжение тураевских из «Византийского временника» (1904–1907).

Волков успел издать две книги по египтологии и смежным дисциплинам. Его прекрасная работа по египтологии о боге Себеке [Волков, 1917] в значительной степени основана на материалах египетского словаря в Берлине. До сих пор это исследование (разумеется, с важной поправкой: *Rossica non leguntur*) остается самым фундаментальным по этому вопросу. Вторая его книга — арамейские папирусы из Элефантины, перевод и исследование — ценная для неспециалистов в семитологии [Волков, 1915]. Эта работа сделана очень хорошо, удобна в пользовании, но, конечно, теперь уже устарела. С 1916 г. он доцент Петроградского университета.

Бороздина работала над скульптурными моделями Музея изящных искусств, которые и опубликовала [Бороздина, 1917].

Из учеников Тураева, начавших занятия у него еще в пределах хронологических рамок данного очерка, следует назвать Н. М. Дьяконову (в замужестве Алексеева), Ф. Ф. Гесса, А. Д. Шмидта.

В Москве появились египтологи, стоящие вне школы Тураева: Г. Лукьянов и В. М. Викентьев. Первый из них в 1908 г. передал в Музей изящных искусств обломок статуи одного из царей XII династии. В России Лукьянов не печатался никогда. В 30-х годах он жил в Египте, где и печатался в журналах Службы древностей и Института. Викентьев, напротив, издал хороший перевод «Истории Египта» Брестеда — наиболее обстоятельный труд по Египту на русском языке до сих пор [Брестед, 1915], но во многом все-таки уступающий Бругшу. В 1917 г. он опубликовал перевод египетской повести о двух братьях и исследование о ней [Викентьев, 1917]. Это несомненный успех для молодого ученого. В известном отношении эта книга полезна и теперь.

Незадолго перед войной в Кенигсберге под руководством В. Врежинского египтологию изучал И. Г. Франк-Каменецкий. Свою первую работу-диссертацию он посвятил, как и Лемм, изучению культа бога Амуна. Более десяти лет спустя, глава немецких египтологов Ад. Эрман вынужден был признать приоритет Франк-Каменецкого в датировке лейденского гимна Амуна⁴⁶. Возвратившись в Россию, он жил в Иркутске и в Москве и опубликовал два тома исследований по истории культа бога Амуна (Амона) [Франк-Каменецкий, 1917].

Перед войной начинает печататься Ф. В. Баллод — в прошлом секретарь немецкого историка египетского искусства барона Ф.-В. Биссинга. В это время он живет в Москве и издает свою диссертацию по богу Бесу и божествам его круга [Ballod, 1913]. После этой книги он публикует ряд работ по египетскому искусству [Баллод, 1913, 1914 и 1917]. Для египтолога ценно только его исследование 1914 г.

Определенный интерес к Египту имеет и друг Тураева Е. М. Кагаров — автор очерков о главе берлинской школы египтологов Ад. Эрмане, а также об истории и современном состоянии египтологии [Кагаров, 1914 (1) и (2)].

Во время войны Тураев работает над математическим папирусом из коллекции Голенищева. В архиве [АВ, ф. 957] сохранилась тетрадь с рабочей транскрипцией всего текста папируса, но издать папирус ему не удалось. Он опубликовал только одну задачу — № 14, посвященную определению объема усеченной пирамиды. Задача имеет совершенно особое значение для оценки достижений древнеегипетской математики, и вызвала большой интерес у историков науки. Открытие ее — целиком заслуга Тураева и его сотрудника математика Д. Цинзерлинга.

В эти же годы Тураев издает и первый полный русский перевод истории Синухета — древнейшее египетское описание Палестины и Сирии, народа этих стран, их быта, обычаев, связей с Египтом [Тураев, 1915 (1)]. Одновременно с этим он работает над «папирусом Прахова», подаренным ему первым собственником папируса — А. В. Праховым. Подготавливая издание (мы сказали бы факсимильное) этого папируса, он заботится об изготовлении таблиц⁴⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- АВ — Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.
Баллод, 1913 — *Баллод Ф. В.* Древний Египет, его живопись и скульптура (I–XX династии). М., 1913.
Баллод, 1914 — *Баллод Ф. В.* Египетское искусство времен Аменофиса IV. М., 1914.
Баллод, 1917 — *Баллод Ф. В.* Египетский ренессанс. М., 1917.
Беляев, 1946 — *Беляев Е. А.* Б. А. Тураев: 1868–1920. — Труды Моск. ин-та востоковедения. 1946, вып. 3.
Берлев, Грибов, 1960 — *Берлев О. Д., Грибов Р. А.* Египтология и ассириология в Ленинградском университете. — Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960 (Ученые записки ЛГУ, № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13).
Бобынин, 1882 — *Бобынин В. В.* Математика древних египтян (по папирусу Ринда). — Математический листок. М., 1882, т. 2 (Прил.).
Бок, 1901 — *Бок В. Г.* Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.
Бороздина, 1917 — *Бороздина Т. Н.* Египетские скульптурные модели Музея изящных искусств имени императора Александра III при имп. Московском университете. — Московский Меркурий, 1917, I (Памятники Музея изящных искусств при Московском университете, 2).
Брэстед, 1915 — *Брэстед Дж. Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. 1–2. Авторизованный пер. В. Викентьева. М., 1915.
Викентьев, 1917 — *Викентьев В. М.* Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 4).
Властов, 1880 — Летописи и памятники древних народов. Египет. *История фараонов* Бругша. Пер. Г. К. Властова. СПб., 1880.
Волков, 1917 — *Волков И. М.* Древнеегипетский бог Себек. — Записки ИФФ Петроград. ун-та. 1917, ч. 140.
Голенищев, 1890 — *Голенищев В. С.* Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888–1889. —

⁴⁶ *Erman Ad.* Zum Leidener Amunshymnus. — Orientalistische Literaturzeitung. 1925, № 28.

⁴⁷ Прошение Тураева об изготовлении таблиц для издания этого папируса см. [АВ, ф. 957]

- ЗВОРАО. 1890, т. V, вып. 1.
- Голенищев. Отчет Унамуна — Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию. — Сб. статей учеников профессора барона В. В. Розена ко дню 25-летия его первой лекции 13 ноября... СПб., 1897.
- Голенищев, 1897 — *Голенищев В. С.* Описание ассирийских памятников. СПб., 1897 (Имп. Эрмитаж).
- Голенищев и его коллекция, 1987 — Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств М., 1987 (ГМИИ, 3).
- Древний Египет, 1960 — Древний Египет. Под ред. В. В. Струве. М., 1960.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., Пг., 1885–1921, т. I–XXV.
- Кагаров 1914 (1) — *Кагаров Е. Г.* Адольф Эрман (По поводу шестидесятилетней годовщины со дня рождения). Харьков, 1914.
- Кагаров 1914 (2) — *Кагаров Е. Г.* Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1914.
- Коростовцев, 1960 — *Коростовцев М. А.* Путешествие египтянина Унамуна в Библ: Египетский иератический папирус № 120 ГМИИ. М., 1960.
- Коростовцев, Ходжаш 1 — *Коростовцев М. А., Ходжаш С. И.* Владимир Георгиевич Бок (1850–1899). — ОИРВ, III.
- Коростовцев, Ходжаш 2 — *Коростовцев М. А., Ходжаш С. И.* Адриан Викторович Прахов (1846–1916). — Там же.
- Коцейовский, 1913 — *Коцейовский А. Л.* Иератическая часть Берлинского папируса 3008: Призывания Изиды и Нефтиды. — Записки Классического отделения РАО. 1913, 7.
- Коцейовский, 1917 — *Коцейовский А. Л.* Тексты Пирамид. Т. I. — Записки имп. Новороссийского университета. Одесса, 1917 (на обл. 1918), т. 14.
- Мальмберг, 1916 — *Мальмберг В. К.* Старый предрассудок: К вопросу об изображении человеческой фигуры в египетском рельефе. М., 1916.
- Милибанд, 1995 — *Милибанд С. Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. Т. I–II. М., 1995.
- Музей им. Александра III, 1912 — Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве: Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. I. Египет, Вавилоно-Ассирия, Греция, Рим. М., 1912.
- Музей при Моск. ун-те, 1917 — Музей изящных искусств при Московском университете: Описание египетского собрания. I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания. Пг., 1917.
- Ольденбург и др., 1918 — *Ольденбург С., Коковцов П., Марр Н., Бартольд В.* Записка об ученых трудах профессора Бориса Николаевича Тураева. — Известия РАН, Сер. VI., 1918, № 12.
- Пасыпкин, 1901 — *Пасыпкин Е. А.* Военное искусство Древнего Египта. СПб., 1901.
- Прахов, 1880 — *Прахов А. В.* Критические наблюдения над формами изящных искусств. Вып. 1. Зодчество древнего Египта. СПб., 1880.
- Протоколы РАО — Протоколы общих собраний имп. Русского Археологического общества за 1899–1908 гг. СПб., 1915.
- ПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- Ростовцев, 1908 — *Ростовцев В. И.* Египетский музей В. С. Голенищева. — Слово, 15.03.1908.
- Стасов. Египетская сказка — *Стасов В. В.* — Египетская сказка, открытая в Петербургском Эрмитаже — Вестник Европы. 1882, кн. 2.
- Стасов, 1882 — *Стасов В. В.* Русское сочинение о египетской архитектуре. — Журнал Министерства народного просвещения. 1882, ч. 211.
- Струве. Коптский папирус — [Господин] *Струве*. Коптский папирус из коллекции профессора Б. А. Тураева. — Христианский Восток. 1912, т. 1, вып. 2.
- Струве, 1912 — *Струве В. В.* Петербургские сфинксы. — Записки Классического отд-ния РАО. 1912, т. 7.
- Струве, 1953 — *Струве В. В.* П.К. Коковцов как ассириолог. — Эпиграфика Востока. 1953, т. VIII.
- Струве, 1960 — *Струве В. В.* Значение В. С. Голенищева для египтологии. — ОИРВ, III.
- Труды III съезда ориенталистов — Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, 1876. Т. 1. СПб., 1879–1880; т. 2. СПб., Лейден, 1879.
- Тураев, 1894 — *Тураев Б. А.* Занятия египтологией и ассириологией в Берлине. — ЖМНП. 1894, ч. 294, № 7, отд. IV.
- Тураев 1–4 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока:
 1. Лекции, читанные в 1896 г. СПб., 1896.
 2. Курс лекций. СПб., 1911–1914.
 3. Ч. 1–2. Курс, читанный в С.-Петербургском университете в 1910–1911 гг. СПб., 1911–1912.
 4. Ч. 1–2. Курс, читанный в С.-Петербургском университете. 2-е изд. СПб., 1913.
- Тураев, 1898 — *Тураев Б. А.* Бог Тот: Опыт исследования в области истории древней египетской культуры. Лейпциг, 1898.
- Тураев. Описание I–VII — *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях (I, II, IV). — ЗВОРАО. 1899, т. XII.
- То же V–VI. — Там же. 1900, т. XII.
- То же VII. Музей древностей при имп. Казанском университете — Там же 1904, т. XV.
- Тураев, 1900 — *Тураев Б. А.* Описание древне-восточных предметов в Музее имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1900.
- Тураев, 1901 — *Тураев Б. А.* К истории хеттского вопроса. — Записки РАО 1901. т. XII, кн. 5.

- Тураев, 1915 (1) — *Тураев Б. А.* Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 3).
- Тураев, 1915 (2) — *Тураев Б. А.* Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского. М., 1915.
- Тураев, 1922 — *Тураев Б. А.* Оскар Эдуардович Лемм (Некролог). — Христианский Восток. 1922, т. 6.
- Тураев, 1927 — *Rarugus Prachov* собрания Б. А. Тураева. Л., 1927.
- Тураев Б. А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. — Труды комиссии по истории знаний. Л., 1927, № 3.
- Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV–XVI вв. Пер. с эфиоп. М.-Л., 1936.
- Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Т. I. 3-е изд. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. Л., 1936.
- Франк-Каменецкий, 1917 — *Франк-Каменецкий И. з.* Памятники египетской религии в Фиванский период. I–II. М., 1917–1918 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 5–6).
- Шолпо, 1939 — *Шолпо Н. А.* Два фрагмента египетских водяных часов. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. 1939, т. 1.
- Ballod, 1913 — *Ballod F.* Prolegomena zur Geschichte der zwerghaften Götter in Ägypten. M., 1913.
- Golénischeff, 1891 — *Golénischeff W.S.* Ermitage Impérial: Inventaire de la collection égyptienne. Lpz., 1891.
- Golénischeff, 1899 — *Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie.* — Recueil. 1899, 21.
- Lemm, 1882 — *Lemm O. von.* Studien zum Ritualbuch des Amondienstes: Inaugural Dissertation. Lpz., 1882; он же. Das Ritualbuch des Amondienstes: Ein Beitrag zur Geschichte der Kultusformen im Alten Ägypten. Lpz., 1882.
- Lemm, 1883 — *Lemm O. von.* Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen und zum Privatstudium mit Schrifttafel und Glossar. Th. 1. Schrifttafel und Lesestücke. Lpz., 1883.
- Lemme, 1890 — *Lemme E.* Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literarum Universitatis Petropolitanae. Petropolis, 1890.
- Lemm 1 — *Lemm O. von.* Der Alexanderroman bei den Kopten: Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Orient. SPb., 1903.
- Lemm 2 — *Lemm O. von.* Das Triadon: Ein sahidisches Gedicht mit arabischer Übersetzung. Th. 1. Text. SPb., 1903.
- Lemm, 1906 — *Lemm O. von.* Iberica. — Записки АН, Сер. VIII. 1906, т. 7, № 6.
- Lemm, 1913 — *Lemm O. von.* Bruchstücke koptischer Märtyrerakten, 1–5. — Там же. 1913, т. 12, № 1.
- Strouvé, 1960 — *Strouvé W. W.* Importance de W. S. Golénischeff pour l'égyptologie. — Древний Египет. М., 1960.